

VI. «БЛАГОДАРНОСТЬ»

Н. В. Здобнов в статье «Новые цензурные материалы о Лермонтове» утверждает, что Лермонтов напечатал стихотворение «Благодарность» в замаскированном от цензуры виде.

«Кажется странным, — пишет Н. В. Здобнов, — как мог дважды пропустить осторожный цензор Никитенко это саркастически-антирелигиозное стихотворение и почему оно в дальнейшем печаталось так же беспрепятственно. Это стихотворение осталось неприкосновенным, очевидно, потому, что обращение к богу — „тебя“ („За всё, за всё тебя благодарю я...“ и „устрой лишь так, чтобы тебя отныне недолго я еще благодарил“) Лермонтов, вопреки правописанию своего времени, написал не с прописной, а со строчной буквы, чем завуалировал подлинный смысл стихотворения. Никитенко поэтому принял это стихотворение за обычную любовную „пьесу“»¹.

Н. В. Здобнов не вполне прав. Лермонтов пишет «тебя» со строчной буквы в обоих автографах этого стихотворения². Местоимения, относящиеся к божеству, он вообще обычно писал со строчных букв. Это показывают и автографы двух стихотворений под заглавием «Молитва». Одно из них («Я, мать божия, ныне с молитвою») опубликовано вслед за «Благодарностью», в ближайшей, 7-й книге «Отечественных записок» за 1840 г. («Благодарность» напечатана в 6-й книге) — и также со строчным *т* в слове «твоим». Правило писать и печатать такие местоимения с прописных букв не было еще в ту пору твердо установлено. Таким образом нарочитой цензурной маскировки в данном случае не было. Но что цензор не понял смысла стихотворения из-за строчных букв — это вполне вероятно.

Если не маскировкой, то как бы «сокрытием следов» представляется публикация в следующем же номере журнала религиозного стихотворения, которое Лермонтов написал еще в 1837 г., но не печатал.

С большим правом можно говорить о цензурной маскировке в отношении сборника стихотворений Лермонтова, вышедшего в том же 1840 г. Здесь, в стихотворении «Молитва», читаем уже «Пред Твоим образом» — с прописным *т*. Также и в «Мцыри»: «И возвратиться вновь к Тому». Между тем, в стихотворении «Благодарность» оставлены строчные *т*.

Отметим, что только в семидесятые годы П. А. Ефремов ввел в текст этого стихотворения написание «Тебя» с прописной буквы, вопреки всем текстовым источникам. В дальнейшем это написание было принято всеми дореволюционными редакторами Лермонтова. Но в публикациях сороковых—шестидесятых годов орфография не дает понять, что в этом стихотворении с неназванным (может быть, не без некоторой оглядки на цензуру) адресатом речь идет о боге. Благодаря этому первые строки легко было воспринять как обращенные к женщине:

За все, за все тебя благодарю я;
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя...

Однако с каждым следующим стихом такое толкование становится все более натянутым:

За месть врагов и клевету друзей...

Инерция неправильно понятого начала может протянуться и на этот стих, связав и месть врагов и клевету друзей с подразумеваемой конкретной любовной историей. Сильнее противится подобному пониманию следующий стих:

За жар души, растроченный в пустыне,—

но и тут еще можно вообразить себе ощущение душевной пустыни в результате несчастной любви. И только последний стих в этом перечислении ни при каких натяжках не поддается такому пониманию, не может быть обращен к женщине.

За всё, чем я обманут в жизни был —

не может быть ответственно одно конкретное лицо; ироническая благодарность за все обманы целой жизни может быть обращена лишь к виновнику всего жизненного зла.

Два заключительных стиха не оставляют сомнения в том, что стихотворение обращено к богу:

Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

Теперь подлинный смысл стихотворения ясен. Поэт иронически благодарит «создателя и вседержителя» за весь ужас жизни, полной мучительных страстей и обязательных разочарований, вероломства в любви и дружбе, низкой мстительности и притворства. Он говорит о том, что жизнь — томительная пустыня, в которой напрасно замирают лучшие порывы человеческой души и из которой есть лишь один исход — смерть; о ней поэт и просит бога, как о единственной награде за все пережитые муки.

Н. В. Здобнов неправильно называет стихотворение «антирелигиозным». Антирелигиозные произведения говорят о том, что бога нет и религия — обман; стихотворение Лермонтова основано на мысли, что бог есть и он виновник мирового зла. В романтической форме Лермонтов осознает, обобщает и оценивает неприемлемое и непереносимое для него социальное зло.

Основной тон стихотворения — ирония над прославлением «благости господней»: все стихотворение как бы пародирует благодарственную молитву за премудрое и благое устройство мира. Постоянные читатели «Отечественных записок» могли воспринять стихотворение Лермонтова в прямой связи с другим стихотворением, помещенным за полгода перед тем в том же журнале. Это стихотворение кончается теми же словами, которыми Лермонтов начинает свое, — но только с прямым наименованием того, к кому стихотворение обращено. При сопоставлении этих двух стихотворений лермонтовское выглядит как ироническая реплика.

Мы имеем в виду следующее стихотворение В. И. Красова, напечатанное в 12-й книжке «Отечественных записок» 1839 г.:

МОЛИТВА

Хвала тебе, Творец, хвала, благодаренье!
Ты сердце пламенное дал!
Как я любил твое прекрасное творенье,
С какой слезой тебя благословлял!
Я плачу: слезы эти святы;
То дань Творцу от сердца моего
За радости мои, за горе и утраты,
По гласу вечному закона твоего.
Как я любил в твоём прекрасном мире, —
Какие чувства испытал!
Я ликовал на светлом жизни пире,
Тебя, незримого, в твореньи созерцал;
И падал я, знал слезы и волненья...
Плоть брэнна; но душой парю!
К тебе любовь моя, к тебе мой моленья.
Благодарю, Творец, за всё благодарю³.

«За всё, за всё тебя благодарю я», — как бы подхватывает Лермонтов, противопоставляя свое беспощадное отрицание слащавым славословиям Красова.

Лермонтов не мог не знать стихотворения Красова. С начала 1839 г., когда «Отечественные записки» перешли в руки А. А. Краевского, Лермонтов постоянно и почти исключительно печатался в этом журнале. В конце 1839 г. в журнал вошел Белинский и ввел с собой близких ему московских поэтов — В. И. Красова и И. П. Ключникова (подписывавшегося криптонимом «— θ —»), которые до того времени печатались в «Московском наблюдателе». «Молитва» была первым стихотворением Красова, помещенным в «Отечественных записках». С начала же 1840 г. и Красов, и Ключников заполняют стихотворный отдел «Отечественных записок», печатаясь рядом с Лермонтовым, а Белинский в своих статьях и рецензиях настойчиво ставит их если не рядом, то в ближайшем соседстве с Лермонтовым.

Так, в мартовском номере «Отечественных записок» 1840 г., в рецензии на «Одесский альманах», Белинский писал: «...поэтов действующих — у нас немного; если хотите, мы всех их перечтем вам по пальцам: гг. Лермонтов и Кольцов; далее подписывающийся — θ — и г. Красов»⁴. В следующем номере, в обзоре «Репертуар русского театра» Белинский пишет: «Только „Отечественные записки“ представляют публике произведения молодых, ярких талантов, каковы Лермонтов, гр. Соллогуб, Кольцов, Красов, — θ — и другие», и упрекает «Сын отечества» за то, что в нем нет «ни слова» «о стихотворениях Лермонтова, Кольцова, Красова, — θ —, беспрестанно являющихся в „Отечественных записках“»⁵.

О значении и ценности поэзии Красова и Ключникова Белинский в ту пору отзывался так: «В большей части стихотворений г. Красова всякого, у кого есть эстетический вкус, поражает художественная прелесть стиха, избыток чувства и разнообразие тонов»⁶. «Во всяком случае стихотворения — θ — принадлежат к примечательным явлениям современной им литературы, и их историческое значение не подвержено никакому сомнению»⁷.

Причина этой оценки поэтов кружка Станкевича коренится в идеологии Белинского той поры. К рубежу сороковых годов Белинский еще не изжил окончательно своего притяжения «разумной действительности». Красов и Ключников — отнюдь не представители «здоровой и нормальной поэзии» (как называл в эту пору Белинский прославляемую им поэзию Гёте); напротив, Белинский сам подчеркивает «болезненность» их творчества. «Тоска» и «страдание» довольно однообразно перепеваются в их стихах, не выходящих за пределы эпигонской элегической лирики тридцатых годов. Красов — поэт «с душой измученной, с слезами на очах», «мечтой и сердцем охладелый», с душой «убитою тоской». Красову вторит Ключников: «Душа угнетена сомненьем и тоской», «В немой тоске печально жизнь влачу». Но страдание, рефлексия, разлад между личностью и миром не возбранялись кружковой философией «примирения с действительностью», а, напротив, считались обязательным этапом на диалектическом пути между первоначальным непосредственным отношением к жизни и конечным приятием «разумной действительности». Оба поэта и включают постоянно в свои стихи мотивы «примирения» и познания «полноты бытия». «И я мирюсь и с небом и с землей», «И заглушу нестройный вопль страдавья святой гармонией души» — вот типичные концовки стихотворений Ключникова. Аналогичные настроения Красова нам уже известны.

Впоследствии Белинский кардинально изменил мнение о творчестве Красова и Ключникова. «Мне стыдно вспомнить, — пишет он В. П. Боткину 6 февраля 1843 г., — что некогда я думал видеть на голове моей терновый венок страдания, тогда как на ней был просто шутовской колпак с бубенчиками. Какое страдание, если стишонки Красова и — θ — были

фактом жизни и занимали меня, как вопросы о жизни и смерти? Теперь иное: я не читаю стихов (и только перечитываю Лермонтова, все более и более погружаясь в бездонный океан его поэзии)...»⁸.

Собственно, уже в 1840 г. отношение Белинского к Красову и Ключникову переломилось. В мае 1840 г. он пишет В. П. Боткину: «Стихи Красова мне решительно не нравятся, особенно „К Дездемоне“ — чорт знает, что такое»⁹, а в августе того же года о стихах Ключникова: «Стишонки его тоже мне начинают противить, а об его „Бабочке“ не могу вспомнить без омерзения — такая дрянь»¹⁰. Однако в статьях этого времени Белинский продолжал высоко оценивать Красова и Ключникова, — и Лермонтову приходилось и дальше (уже после опубликования «Благодарности») читать в статьях Белинского, что «талант Лермонтова не совсем одинок: подле него блесит в могучей красоте самородный талант Кольцова; светится и играет переливными цветами грациозно-поэтическое дарование Красова»¹¹ и т. п. Белинский вставляет в эту пору в свои статьи стихи Красова и Ключникова как выражение своих задушевных настроений. В частности, в статье «Стихотворения М. Лермонтова», напечатанной во 2-й книжке «Отечественных записок» 1841 г., приведены два стихотворения Ключникова.

Настойчивые упоминания Красова и Ключникова рядом с Лермонтовым связаны, очевидно, не только со стремлением придать этим поэтам большое значение, но и с попыткой Белинского истолковать творчество самого Лермонтова в какой-то мере по аналогии с творчеством своих московских друзей. Потрясенный силою лермонтовского отрицания и протеста, Белинский, однако, сперва пытается интерпретировать этот протест как этап на пути, ведущем к «гармонии духа», к более глубокому и спокойному разумению жизни, к грядущему признанию за действительностью смысла и правоты. Еще до своих статей о Лермонтове, — вскоре после того как Белинский впервые сопоставил Лермонтова с Красовым и Ключниковым (в рецензии на «Одесский альманах»), — он беседовал с Лермонтовым в ордонанс-гаузе и, видимо, стремился внушить поэту свое мнение о его будущей эволюции. В письме к В. П. Боткину от 16 апреля 1840 г., описывая свидание с Лермонтовым, Белинский говорит: «Я с ним спорил, и мне оградно было видеть в его рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему — он улыбнулся и сказал: дай бог! Боже мой, как он ниже меня по своим понятиям и как я бесконечно ниже его в моем перед ним превосходстве»¹².

Разговор этот правильно, на наш взгляд, комментирует Н. И. Мордовченко: «О чем спорил Белинский с Лермонтовым? В чем состояли их расхождения и несогласия? Можно думать, что Белинский спорил с Лермонтовым, защищая идеи „примирения“ с действительностью. Он, вероятно, развивал перед Лермонтовым свои взгляды на задачи искусства как на преодоление дисгармонии и борьбы и возвращение в мужественную и сознательную гармонию. С этой точки зрения Белинский, конечно, и считал, что рассудочный и озлобленный взгляд на жизнь и людей являлся переходным этапом в развитии Лермонтова»¹³.

Вполне вероятно, что и в этом споре, как в своих статьях, Белинский мог привлечь стихи Красова и Ключникова для демонстрации преодоления дисгармонии искусством. Естественно думать, что Лермонтова раздражало сопоставление его творчества с творчеством этих поэтов и что в стихотворении «Благодарность», написанном, как предполагают, вскоре после освобождения из-под ареста в ордонанс-гаузе¹⁴, он сознательно размежевался с Красовым, противопоставив его религиозно-сентиментальному оптимизму свое революционное отрицание.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ «Красная новь», 1939, № 10-11, стр. 259.
- ² Автограф, хранящийся в ИРЛИ, воспроизведен в «Книге о Лермонтове» П. Е. Щеголева, вып. II, Л., 1929, стр. 72.
- ³ В этом тексте все местоимения также напечатаны со строчных букв.
- ⁴ В. Белинский. Полн. собр. соч. Под ред. С. А. Венгерова, т. V, СПб., 1901, стр. 223.
- ⁵ Там же, стр. 240, 244.
- ⁶ Там же, стр. 248—249.
- ⁷ Там же, стр. 293.
- ⁸ Белинский. Письма. Т. II, СПб., 1914, стр. 332—333.
- ⁹ Там же, стр. 127.
- ¹⁰ Там же, стр. 149.
- ¹¹ В. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 424.
- ¹² Белинский. Письма. Т. II, стр. 108.
- ¹³ Н. Мордовченко. Белинский и русская литература его времени. М.—Л., 1950, стр. 108.
- ¹⁴ «Повидимому, стихотворение написано в промежуток между освобождением из-под ареста и отъездом на Кавказ, т. е. в конце апреля или в начале мая 1840 г.» (II, 218).